

2. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности от 12.08.1995 № 144-ФЗ (в ред. от 29.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: www.consultant.ru.

3. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Российская Е.Р. Криминалистика. Учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина. М.: Издательство НОРМА, 2000. 990 с.

4. Бахта А. С Полнота предварительного и судебного следствия : учеб. пособие. Омск : Юрид. ин-т, 1997. 108 с.

5. Заровнева Г.С., Киселева С.Е. Криминалистические аспекты розыскной и поисковой деятельности следователя : монография. М.: Проспект, 2016. 112 с.

6. Семенцов В.А. Розыскные действия следователя // Российский следователь. № 1. 2004.

УДК 343.132

РАЗВИТИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ СЛЕДСТВЕННОГО ДОПРОСА КАК НАПРАВЛЕНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВДИВЫХ ПОКАЗАНИЙ

© А.И. Семеновский

Сибирский федеральный университет

Анализ процессуальной роли показаний различных участников уголовного судопроизводства свидетельствует об актуальности изучения правовых мер их стимулирования. С одной стороны, об этом говорит сохраняющийся по настоящее время интерес в науке к вопросу обеспечения получения правдивых показаний. Оптимизации получения правдивых показаний в криминалистике посвящены работы последних лет по тактике допроса с учетом ее типовой индивидуализации и дифференциации в зависимости от «рисунка личности» допрашиваемого (Т. А. Алексеева, Р. Л. Ахмедов, А. Р. Лонцакова), в зависимости от психологических особенностей личности лица, совершающего отдельные виды преступлений (С. Э. Воронин, А. Р. Лонцакова) [2; 3; 4; 9]. Исследователями предлагается использовать для преодоления установки на дачу ложных показаний технологии искусственного интеллекта, профайлинга (О.А. Карпенко, В. П. Лавров), а также другие способы повышения эффективности выявления ложных показаний и получения правдивых показаний [5]. В науке уголовного процесса, на стыке с уголовным правом, вновь появляются работы, посвященные необходимости введения карательных правовых мер за дачу

ложных показаний обвиняемым, а также появился ряд работ, посвященных иным правовым мерам стимулирования дачи правдивых показаний обвиняемым и иными участниками, таких как уголовно-процессуальное поощрение дачи правдивых показаний, охрана лиц, дающих такие показания (А. Р. Лонщакова, С. А. Новиков) [9; 11].

Схожая тенденция существует в зарубежных исследованиях, посвященных получению правдивых показаний. Юристы Канады, США, Великобритании стремятся создать алгоритмы получения правдивых показаний, которые можно было бы закрепить в уголовно-процессуальном праве данных государств (С. М. Кассин, В. Кожинский, Д. Шоу и другие) [19; 20; 22]. Способствовало развитию зарубежной научной мысли в области допроса в указанном направлении выявление достоверных фактов необоснованного и незаконного осуждения к смертной казни невиновных лиц, к которым применялись техники допроса, прямо или косвенно принуждающие к даче признательных показаний и формирующие ложные воспоминания [20; 21].

Отечественные исследователи отмечают, что в 20% всех случаев допроса, недобросовестный допрашиваемый успешно сообщал следствию ложную информацию, которую следователь или не смог распознать и изменить негативную установку на дачу ложных показаний, или же не смог опровергнуть их в процессуальном порядке [6, с. 148].

Между тем, в российской практике также имеются случаи незаконного осуждения в силу воздействия на обвиняемого как суггестивными методами, так и иными методами, формально подпадающими под нормы закона, однако фактически «ломающие» волю лица к отстаиванию своей позиции. Согласно материалам уголовных дел, а также рассказам самих их участников, предъявленное против них обвинение выстраивалось на полученных в ходе предварительного расследования показаниях, как обвиняемых, так и свидетелей, при этом приемы получения показаний были следующими: немедленный допрос и/или получение объяснений без их согласования с защитником в состоянии стресса от резкой смены привычной обстановки и помещения в ситуацию уголовного преследования и ограничения свободы самостоятельного передвижения; допрос в состоянии алкогольного опьянения; систематические указания на то, что суд назначит минимальный срок наказания в случае признания вины (высказывалось в качестве утверждения); предложение удовлетворить ложные потребности за признание вины; указание на длительное ограничение свободы при отказе от дачи показаний, так как дело будет рассматриваться продолжительное время; ссылки на «иную информацию» без уточнений, якобы имеющуюся у органов следствия и

обосновывающую виновность лица, относительно заявленного лицом алиби; указание на то, что следствие расценивает молчание в качестве «улики поведения», свидетельствующей о причастности к преступлению [17; 23; 26]. Способствовало формированию обвинительных доказательств также переосмысление следователем сказанного свидетелями с перефразированием и переформулированием содержания показаний в виде предположений допрашиваемых [17; 25]. Некоторые случаи содержат явные нарушения закона: продолжение допроса 12 часов; не прямые угрозы жизни и здоровью, выраженные в словосочетаниях «мы же пакет на голову не надевали еще»; участие в допросе лиц, фактически осуществлявших допрос, но не имевших на то полномочий, присутствие на допросе которых не отражено в протоколе [17].

Изложенное свидетельствует о наличии как в самом российском уголовно-процессуальном законодательстве, так и в криминалистической практике ряда системных проблем, которые могут привести к формированию несоответствующих действительности показаний.

Правовое регулирование получения показаний, как всякое правовое явление, может осуществляться совокупностью мер: дозволительных, обязывающих или запретительных [1, с. 296]. Регулирование следственного допроса содержит ряд обязывающих норм, касающихся места (ч. 1 ст. 187 УПК РФ) и времени продолжительности допроса (ч. ч. 2-4 ст. 187 УПК РФ). Несмотря на указание в законе на ограниченность времени допроса, что способствует защите допрашиваемого от психического и физического истощения, сохраняет ясность мышления и снижает степень бесконтрольного восприятия информации, стоит отметить, что следственный допрос производится по месту производства предварительного следствия, то есть, огрубляя, в здании правоохранительного органа, что само по себе уже снижает психологическую защиту лица, повышает уровень стресса и дискомфорта, что в совокупности способствует повышению внушаемости допрашиваемого [18, с. 43]. И только в случае признания в этом необходимости, следователь может произвести допрос в месте нахождения допрашиваемого (ч. 1 ст. 187 УПК РФ). Здесь же следует отметить замечание исследователей, что встреча с представителем правоохранительного органа при его действии в официальном статусе уже сама по себе снижает у отдельных лиц способность к психологическому сопротивлению, повышает стресс [18, с. 64]. Соответственно, это является одним из факторов, способствующих конформному поведению и повышению степени внушаемости.

Перед допросом следователь обязан разъяснить права, обязанности, в некоторых случаях – ответственность, а также порядок производства допроса, выполнить требования относительно языка, на котором лицо будет давать

показания (ч. 5 ст. 164, ч. 1 ст. 189 УПК РФ). В целом, известность о своих правах и обязанностях допрашиваемого повышает его способность к противодействию приемам допроса, так как он будет осведомлен о механизмах защиты своих прав, например, путем оставления замечания на протокол [19]. Интересным представляется положение УПК РФ, согласно которому закон запрещает задавать наводящие вопросы, но дает свободу следователю на любые действия в тактике допроса (ч. 2 ст. 189 УПК РФ), при этом иная, кроме протокольной, фиксация допроса возможна по ходатайству допрашиваемого или инициативе следствия (ч. 4 ст. 189 УПК РФ). Также представляет интерес для анализа положения ч. 2 ст. 190 УПК РФ, согласно которым показания записываются дословно только лишь по возможности.

С учетом практики реализации указанных норм, их содержание представляет научный интерес в контексте их осмысления на предмет возможного недобросовестного применения, так как закрепленные в них нормы фактически допускают произвольную фиксацию показаний в протоколе допроса, а также могут быть использованы для практически любого тактического воздействия на допрашиваемого. Такое положение дел берет свое начало в положениях УПК РФ, согласно которым допрашивающий полномочен фиксировать показания дословно лишь по возможности, не применять иные средства фиксации и использовать любые тактики допроса, за исключением постановки наводящих вопросов. В настоящей работе коснемся норм, посвященных именно фиксации показаний.

Для осмысления предлагаемой в настоящей работе позиции по модернизации правового регулирования следственного допроса также стоит учесть то обстоятельство, что работники следственных органов психологически настроены на исполнение обязательных, формальных требований, к которым относятся обязывающие и запрещающие нормы закона, чем положения «рекомендательного характера», к которым относятся, как считается, рекомендации криминалистики [3, с. 71].

Анализ литературы, посвященной протокольной форме фиксации показаний, свидетельствует о том, что авторы поддерживают переформулирование показаний допрашиваемого путем замены его слов и выражений, фиксации в протоколе только значимой информации для расследования уголовного дела [10, с. 51; 12, с. 144].

Как видно из анализа реальных ситуаций расследования, такие воззрения на протокольную форму фиксации результатов допроса ведут периодически к искажению смысла показаний в угоду формирования совокупности выгодных для следствия доказательств.

Между тем, получение показаний и их фиксация в протоколе является собиранием первоначального эмпирического материала о расследуемом событии, чему свидетельство уже в том, что опрос, основной метод допроса, является классическим методом сбора эмпирических данных [16, с. 8]. Одним из слагаемых получения потенциально истинной информации из эмпирического материала признается его фиксация исследователем «как есть», то есть в том варианте, в котором он воспринимается, без субъективного переосмысления [8, с. 36].

Положение закона о том, что записывать показания следует «по возможности дословно» фактически дает возможность фиксировать их произвольно, на свое усмотрение. Однако отмеченные правила получения истинной информации при познании определяют требование дословной фиксации показаний в протоколе, ровно так, как они сообщаются допрашиваемым.

Данная фиксация может быть затруднительной в силу продолжительного хода допроса. Это может вынудить допрашивающего составлять протокол с одновременным получением показаний, что, как отмечается криминалистами, негативно влияет на установление психологического контакта [7, с. 384]. А с учетом избытка поступающей информации, вряд ли допрашивающий сможет качественно и досконально запомнить и записать все сведения в протокол после их фактического получения. В силу чего, выход видится в изменении позволяющей нормы относительно использования различного способа фиксации хода и результатов допроса (ч. 4 ст. 189 УПК РФ) на императивное требование осуществлять видеозапись допроса с возможностью аудиофиксации при осуществлении такой записи.

В ином случае не исключается, например, что недобросовестный следователь может отговорить допрашиваемого от проведения видеозаписи, которую он ходатайствует осуществить, сославшись на то, что все его выражения лица, междометия, иные конфузы речи будут рассмотрены публично в суде. Так, в силу механизма социальной перцепции, боясь быть воспринятым обществом в «глупом виде», допрашиваемый сам откажется от такой видеофиксации, что будет выгодно недобросовестному допрашивающему, который сможет безопасней для себя допускать манипуляции с показаниями допрашиваемого, ведь проверить их правильность будет возможно только по протоколу, где будет стоять подпись допрашиваемого, который мог невнимательно прочитать протокол и не сделать в него пометки об искажении смысла своих слов.

Видится необходимым внести законодательное уточнение, что такой вид фиксации, как видеозапись допроса с одновременной аудиофиксацией, имеет с

протоколом допроса равную юридическую силу. Согласно ч. 2 ст. 74 УПК РФ, доказательствами по уголовному делу не являются фонограммы и видеозаписи следственного действия, а в соответствии с положениями ч. 8 ст. 166 УПК РФ, указанные результаты фиксации следственного действия прилагаются к протоколу.

Согласно ч. 4 ст. 189 УПК РФ, в ходе следственного допроса может проводиться киносъемка, аудио- или видеозапись, материалы которых хранятся при уголовном деле. Исходя из положений ч. 1 ст. 190 УПК РФ, которая требует составления протокола допроса по правилам ст. ст. 166 и 167 УПК РФ, очевидно, что указанные материалы киносъемки, видео- или аудиофиксации допроса будут приложением к протоколу в смысле ч. 8 ст. 166 УПК РФ. Соответственно, возникает вопрос о процессуальной роли таких приложений.

Исследователи отмечают, что иногда такие материалы рассматриваются даже в качестве вещественных доказательств, хотя должны быть составной частью протокола и полностью зависеть от него [13; 14; 15]. Между тем, на практике такая зависимость ведет к тому, что протокол допроса может содержать сведения, которые были неправомерно следователем дописаны, а на видеозаписи данного допроса видно, что допрашиваемый не сообщал сведения, отраженные в протоколе. Вопреки объективным данным, свидетельствующим о фактической фальсификации результатов допроса, суды иногда принимают во внимание именно результаты протокола как такового, ссылаясь на то, что видеозаписи допроса не являются ни протоколом, ни самостоятельным доказательством по уголовному делу [24].

Таким образом, подобные изменения закона потенциально способствовали бы пресечению использования сфальсифицированных протоколов в доказывании, а также оказали помощь в наиболее точной фиксации показаний. Кроме того, нивелировали использование явно противоправных методов допроса, как упомянутые угрозы в виде «надевания мешка на голову».

Список использованных источников:

1. Алексеев С.С. Общая теория права. В 2 т. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1981. 361 с.
2. Алексеева Т.А. Тактико-криминалистическое исследование устной речи: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 240 с.
3. Ахмедшин Р.Л. Тактика экспериментальных следственных действий: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 320 с.

4. Воронин С.Э., Алексеева Т.А., Ахмедшин Р.Л. Психотипологический подход в системе криминалистического знания: монография. Красноярск: Изд-во СИБУП, 2015. 328 с.
5. Карпенко О.А., Лавров В.П. Противодействие расследованию преступлений посредством дачи заведомо ложных показаний и меры по его преодолению: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. 144 с.
6. Криминалистика. В 5 т. Т. 4. Криминалистическая тактика: учебник / под общ. ред. И.В. Александрова; отв. ред. И.М. Комаров. Изд-во Юрайт, 2019. 179 с.
7. Криминалистика: учебник / отв. ред. А.Н. Васильев. М.: Изд-во Мос. ун-та, 1971. 564 с.
8. Лебедев С.А. Методология научного познания: учеб. пособие. М.: Изд-во Юрайт, 2021. 153 с.
9. Лонцакова А.Р. Тактика допроса обвиняемого по делам о насильственных преступлениях: монография. М.: Юрлитинформ, 2022. 168 с.
10. Михайлов А.И., Подголин Е.Е. Письменная речь при производстве следственных действий. М.: Прогресс, 1980. 94 с.
11. Новиков С.А. Институт показаний в свете современной уголовно-процессуальной политики России: тенденции развития и актуальные проблемы // Правоведение. 2013. № 2. С. 199-210.
12. Порубов Н.И. Научные основы допроса на предварительном следствии. Мн.: Выш. школа, 1978. 176 с.
13. Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств: монография. М.: Норма, 2021. 408 с.
14. Россинский С.Б. Приложение к протоколу следственного действия: признавать или не признавать как вещественное доказательство? // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2. С. 91-103.
15. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 1008 с.
16. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма: монография. М.: Юрид. лит., 1981. 128 с.
17. Они получили срок незаслуженно / О пытках в тюрьмах, угрозах и компенсациях // Режим доступа: <https://www.youtube.be/fjmsqoVfjIE?si=OQxJ5b39nEQy2KwE>.
18. Criminal interrogation and confessions. Handbook / F.E. Inbau, J.E. Reid, J.P. Buckley, B.C. Jayne. Burlington: Jones & Bartlett Learning, 2013. 469 p.
19. Kassin S.M. The psychology of confession evidence // American Psychologist. 1997. №. 52. P. 221-233.

20. Kozinski W. The Reid interrogation technique and false confessions: a time for change // Seattle Journal for Social Justice. 2017. №. 16. P. 300-345.

21. Reid S., Lee J. Confessions of a Criminal Psychopath: an Analysis of the Robert Pickton Cell-Plant // Journal of Police and Criminal Psychology. 2018. № 33. PP. 257-270.

22. Shaw J., Porter S. Constructing rich false memories of committing crime // Psychological Science. 2015. № 2. P. 291-301.

23. Уголовное дело № 1-10/2012. Архив Сегежского городского суда, 2012.

24. Уголовное дело № 2-9/2019. Архив Краснодарского краевого суда, 2019.

25. Уголовное дело № 2-0030/2020. Архив Московского городского суда, 2020.

26. Уголовное дело № 2-13/2021. Архив Краснодарского краевого суда, 2021.

УДК 347.53

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ИСКАМ О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ

© Н.О. Семерня

Первая Красноярская коллегия адвокатов Красноярского края

В связи с ежегодно увеличивающимся антропогенным воздействием человека на окружающую природную среду, вопрос правового регулирования охраны объектов этой среды приобретает все большую актуальность, стремительно меняется правоприменительная практика в данной сфере.

Основами в области охраны окружающей среды являются статьи 42 и 58 Конституции РФ, которыми закреплено право лиц на благоприятную окружающую среду и установлена обязанность по сохранению природы и окружающей среды, бережному отношению к природным богатствам.

В основе исков о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, как правило, лежит деликт. Значительное распространение также получили споры, вытекающие из нарушения природопользователями взятых на себя договорных обязательств (например, из договоров аренды земельных или лесных участков, по условиям которых арендатор обязан рекультивировать земли или иным образом привести их в пригодное для использования состояние, в последующем возвратив арендодателю).